

*Русский человек вообще умеет умирать,
а жить и действовать он не умеет...*

Святитель Тихон,

Патриарх Московский и всея Руси

В центре зала станции метро «Новокузнецкая» я встретился со своими учениками, и мы быстро поднялись по эскалатору, а при выходе из метро нас встретило закатное красное солнышко. Мы подходили к зданию, я стал подниматься по ступеням, и память сработала безотказно. Я уже приходил сюда, когда мне было семь, здесь работал мой папа, привезла меня бабушка, и отец водил меня по этому зданию, кормил в буфете...

Мы со школьниками прошли в студию, говорили о том, как нам построить передачу, я посмотрел на наушники, потом за окно. Подумал, что мой папа, Владимир Александрович Орлов, так же много лет назад сидел в студии, обсуждал эфир и поглядывал на наушники. Было темно, в помещении царил зимний сумрак. И я на мгновение вспомнил летний день и спящего папу.

Часы замерли. Точного времени я не помню. Было тепло и тихо. Сквозь приоткрытые двери балкона через щели под шторами налетал пух. Румяные солнечные лучи, пытавшиеся прорваться в комнату, меркли. В квартире властвовал сонный полумрак. Папа лежал на диване, накрытый с головой простыней, и, как в детстве, я ждал, что он скоро проснётся.

Мне припоминалось наше лето семилетней давности. Красавец Севастополь, Керчь и, конечно, Коктебель, которые мне не забыть никогда. Я вышел из маленькой комнаты в большую, посмотрел на кресла и сразу вспомнил наши совместные майские праздники с папой и бабушкой. Как важно и торжественно мы рассаживались, смотрели военный парад, посвящённый очередной годовщине победы в Великой Отечественной войне, потом шли в парк имени Горького, в Зелёном театре пел Иосиф Кобзон, и после минуты молчания мы шли смотреть салют на Ленинские горы.

Я задержал свой взгляд на ближнем кресле, оно показалось мне значительным, ведь именно в нём по настоянию папы я смотрел фильмы Андрея Тарковского. Мысленно я восстановил картину, когда бабушка, папа и я обсуждали кинокартины

Сергея Герасимова, Сергея Бондарчука, Владимира Мотыля, и, как всегда, в этой мужской троице я ощущал себя равным. Мы болели за московский «Спартак», сборную СССР, кричали, спорили, передавали друг другу газету «Советский спорт» и альманах «Футбол. Хоккей».

Я смотрел на шкаф с книгами и вспоминал, как меня заставляли читать Аркадия Гайдара, Александра Волкова, Марка Твена. Как папа расхаживал в халате по квартире и напевал песенки на немецком и английском языках, «Битлз», «Иглз» и «Дип Пёрпл», читал наизусть Роберта Бёрнса.

Мне захотелось вернуться в маленькую комнату, потому что там были папины книги, он собирал их годами, и мне втайне от всех хотелось владеть ими. Иногда я думал, что когда папа состарится, он обязательно подарит мне все свои книги; я всегда подолгу держал в руках тома юбилейного сытинского издания «Отечественная война и русское общество 1812–1912 гг.» и «Отечественная война 1812 года в картинах Петера Хесса», каталоги русского военного мундира, и становилось грустно, что этот подарок я получу не завтра, что папа будет ещё долго жить. Я грезил, как он будет передавать мне свои статьи, которые бережно хранила бабушка в специальной синей папке, свой пропуск на московские Олимпийские игры 1980 года. Потом я вспомнил, как единственный раз приезжал к нему на работу и он показывал меня коллегам по иновещанию.

Казалось, совсем недавно мы весь весенний поздний вечер и начало ночи гуляли и говорили, говорили, говорили... Время от времени накрапывал дождик, сверкал и дымился почерневший снег, было очень темно, и только окутанные лёгким туманом фонари освещали нам дорогу. Незаметно мы обошли несколько раз Донской монастырь.

Было время Великого поста. Папа постоянно улыбался и говорил о свидетельствах всех времён и народов, говорил с восхищением, как будто он сделал самое главное открытие в своей жизни. Мой некрещёный папа как всегда спокойно, размеренно и немного свысока сказал:

— Всё в этом мире свидетельствует о том, что Он есть, понимаешь? Всё, что сейчас происходит, похоже на эпоху религиозного и национального

возрождения, это сложнейший процесс, но ты будешь свидетелем всего этого, даже потом, когда уже, скажем, не будет меня.

Он улыбнулся.

Я подумал: «Это так странно, что когда-то наступит время — и на этой земле не будет папы».

Папа продолжал:

— Всё же Бог есть, и это, в общем, доказано, но как могло произойти то, что произошло с Россией? Как? Мы были на экономическом взлёте перед Первой мировой войной. Что произошло с людьми? С их сознанием? Ты знаешь, я недавно прочитал о святителе Тихоне, Патриархе Московском и всея Руси. Он был канонизирован почти три года назад, но мы ничего не знаем о нём, вообще ничего... Пойдём.

Папа решительно зашагал вдоль монастырской стены и башен.

— Куда мы идём? — поинтересовался я.

— К Святым воротам, они называются ещё Северными. Да, конечно, сейчас ночь, мы не сможем попасть внутрь, но я их тебе покажу, — ответил он на ходу.

Мы подошли и встали напротив ворот. Папа сказал:

— Ты только представь, через эти ворота много раз входил человек, который в условиях кровавого хаоса взял на себя бремя патриаршества. Зачем? Как он решился? Сколько сил у него было? Он не мог не понимать, что идёт вслед Иисусу Христу, он принял эту чашу, пусть и не сразу, именно здесь во время заточения в Донском монастыре. Вот в том храме во имя Тихвинской иконы Божией Матери ему разрешали молиться, его келья находилась рядом. Нам с тобой надо обязательно посмотреть на неё. Отсюда он беззвучно благословлял всех проходящих, которые собирались толпами. Но многие люди ничего об этом не знают, я имею в виду не нас с тобой, а других. Именно сюда привезли его после кончины. Он же знал, что умрёт в ночь на Благовещенье, и в больнице, где он находился, не оказалось иконы, но ему привезли из Зачатьевского монастыря икону Благовещенья. Раздались сорок равномерных ударов колокола, которые оповестили москвичей и весь православный мир о всенародном горе. Без малого восемь лет после восстановления патриаршества люди боялись ухода патриарха Тихона. Поразительно, что в Москве на зданиях некоторых иностранных миссий в знак траура были приспущены флаги — и это в Советской России! Прощаться со всемирно известным патриархом Тихоном в Донской монастырь пришло более миллиона москвичей и приезжих, это потрясающая народная смелость. Они всё время нахождения тела патриарха в монастыре заполняли ближайшие улицы и ждали мгновения, когда смогут проститься с ним.

Папа развернулся лицом к Донской улице, Ленинскому проспекту, Шаболовке и продолжил:

— Всё было заполнено верующими в Бога русскими людьми. Ничего не изменилось в их сознании, ни красный террор, ни Гражданская война не уничтожили веру в сердцах. Не было давки, толкотни, ругани — только всеобщая скорбь. Это безстрашие пастыря и народа, слившиеся воедино. Панихиды над его телом служились беспрерывно день и ночь, двойным кольцом стояли вокруг его гроба епископы и митрополиты. Вдумайся, какая колоссальная демонстрация верности, твёрдая уверенность в уходе вслед за ним — это подлинная храбрость. Ты должен это знать уже сейчас, ведь хочешь стать историком, и ты им будешь, тебе надо будет рассказывать о святителе людям. Сейчас на наших с тобой глазах происходит очень значимый фрагмент истории. После ухода от Бога народ возвращается к Нему. Это чудо!

Папа говорил тихо и восторженно, потом закурил и сказал:

— Мне сейчас страшно: как мог я в день нашей с твоей мамой свадьбы бросить икону, которой нас хотели благословить? Твоя прабабушка вынесла её к нам, а я выхватил и отбросил. Я ничего не знал тогда о вере в Бога. Святитель Тихон наставлял: «Вера есть великая сила, помогающая человеку в самых стеснённых и трудных обстоятельствах жизни». Наши души спали, ночь неверия была внутри нас. Но этого уже не исправить, за всё в жизни мы держим ответ перед Ним, а я живу без креста. Понимаешь?

Я смущённо улыбнулся:

— Понимаю.

Папа хотел проводить меня до дома, но я отказался, также с улыбкой. Он насторожился:

— Послушай, ведь уже ночь, очень поздно.

Я с нагловатой ухмылкой старшекласника сказал:

— Пап, это мой район, кто меня здесь тронет?

Он с сомнением, но всё же вял моей самонадеянности спросил:

— Через пятиэтажки пойдёшь?

— Да, так короче, — ответил я.

— Мы раньше называли их петушками, — заметил папа.

— Теперь так зовём их мы! — ответил я.

В подъезде папиного дома мы, как всегда, пожали друг другу руки, обнялись, я поцеловал папу в щёку. У лифта он обернулся, встал ко мне лицом и произнёс:

— Ты понимаешь, Бог есть!

Он произнёс это значительно, и в этот момент тусклые лампочки домашнего освещения отражались в его очках. Я улыбнулся и сбежал по ступенькам, на прощание махнув ему рукой.

Я шёл домой и думал о папе. Вспоминал, как однажды, почти десять лет назад, я услышал мамин разговор по телефону с моей бабушкой по отцовской линии. Мама очень тихо сказала в трубку:

«И давно его гэбьё пасёт?» Я не дождался, пока мама или бабушка отведут меня к папиным родителем, которые жили поблизости, и отправился сам, что было строгайше запрещено, в особенности моим дедом.

Миновав железнодорожный мост, перешёл на противоположную сторону Ленинского проспекта, прошёл по аллее мимо памятника Гагарину, по улице Шестидесятилетия Октября, пересёк улицу Вавилова и, оказавшись в папином дворе, отправился искать незнакомое и неведомое гэбьё. Я осмотрел двор, сходил за футбольную коробку, за гаражи, даже дошёл до ТЭЦ, но гэбья нигде не было.

Я поднялся на седьмой этаж, позвонил в дверь. Увидев меня на пороге, дедушка вначале обрадовался, но потом неприятно удивился моему самовольному появлению, внимательно посмотрел на бабушку, которая всё ещё говорила с мамой, прикрывая ладонью трубку. И эту немую укоряющую сцену прервал я, спросив:

— Дедуль, а где гэбьё, которое пасёт папу?

Дед вытаращил на меня глаза, бросил сердитый взгляд на бабушку, сквозь зубы процедив:

— Лена, что он сказал?

Бабушка молчала, а я не унимался:

— Нет, вы меня послушайте! Я везде был: и за площадкой, и за коробкой, за гаражами, но гэбья не нашёл. Или я не знаю, какое оно, это гэбьё.

Мой дед, сын осуждённого по пятьдесят восьмой статье крестьянина-единоличника, расстрелянного по особому решению сталинской тройки, велел мне помалкивать и отправил в комнату.

Через некоторое время папу уволили с работы, но слежка за ним не прекращалась. Он, историк и журналист, специалист по Ирландии и Шотландии, по эпохе наполеоновских войн, не был нужен никому. Папа мыл полы на вокзале и в вагонах поездов дальнего следования. Только после нескольких лет унижительного низкооплачиваемого труда,

при участии близких, он возобновил деятельность по специальности в газете «Водный транспорт». Повзрослев, я узнал, что папа во время радиопередачи, которая транслировалась на Западную Европу и Северную Америку, не скрывал своего отношения к репрессиям сталинского периода. Он был всегда первым, от него многие впервые слышали о Шаламове, Бродском, Довлатове, Сахарове, Солженицыне, Ростроповиче, но он никогда мысленно не шёл с ними в ногу. Теперь его сердцу открылись Бог и Патриарх Московский и всея Руси святитель Тихон.

Все эти воспоминания заставили меня вернуться в маленькую комнату, сесть напротив дивана. Вошла бабушка, сняла простыню с лица папы. Он спал. Голова была чуть вздёрнута, волосы немного рассыпались по подушке, лицо было неподвижно, нос казался острее. Папа уснул навсегда. Бабушка с почерневшим, опухшим от слёз лицом и растрёпанными волосами подняла голову папы и сказала мне:

— Посмотри, какой он красивый!

Я замер и думал, что никогда мужчина не сможет почувствовать всё то, что чувствует сердце матери...

Мою временную отрешённость прервала ведущая радио «Радонеж» Ася Абрамова. Я посмотрел в законную снежную темень, на образá, окружавшие нас в студии, подумал, как коротка жизнь. Прошли годы. И вот снова я на работе у папы, через четверть века после его смерти я выхожу в эфир со своими учениками и вспоминаю о нём.

Я подумал, что не случайно я стал историком, что не случайно через несколько минут буду говорить радиослушателям о своей новой книге «Креститель Руси», посвящённой блаженной кончине святого равноапостольного князя Владимира, прославленного в народе как Владимир Красное Солнышко.